

криминальная мелодрама

Екатерина ГРИНЕВА

Новое громкое имя!

Екатерина ГРИНЕВА
в главной роли

Хозяин ее судьбы,
или Если свадьба состоится

Екатерина Гринева
Хозяин ее судьбы, или
Если свадьба состоится

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4572782
Хозяин ее судьбы, или Если свадьба состоится : повесть: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-60424-1

Аннотация

После гибели обожаемого мужа Юлиана поставила крест на личной жизни и с головой окунулась в работу. Ей казалось, она никогда уже не будет счастлива... Пока не появился Слава – нежный, заботливый, любящий. Одно омрачало Юлину жизнь – дочка ее избранника Руся никак не шла на контакт. Но в конце концов Юлиана, очень привязавшаяся к девочке, нашла с ней общий язык. Однако вскоре после свадьбы Русю похитили! Неизвестные требовали за нее огромную сумму, и Юля без колебаний продала свою роскошную квартиру. Слава отправился передавать выкуп и... тоже пропал. В полиции Юле сообщили, что человек, чье имя носил ее муж, давно мертв... Теперь она пойдет на все, чтобы покарать обманщика и спасти Русю, которую она полюбила как родную!

Содержание

Наши дни	4
Три месяца тому назад	5
Наши дни	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Екатерина Гринева

Хозяин ее судьбы, или

Если свадьба состоится

Наши дни

Я лежала в ванной и грезилась о свадьбе. Мне почему-то казалось, что теперь у меня начнется новая жизнь. Совсем другая!

Счастье всегда внезапно. Даже если его ждешь, оно ошеломляет своей нереальностью. Кажется, это может произойти с кем угодно, только не со мной. Все случилось так быстро. Ну, как в сказке. Где-то я вычитала фразу, которая мне понравилась: «Каждая Золушка дождется своего принца!» Я не была Золушкой, я была успешной женщиной, но все равно мечтала и хотела встретить своего принца! И у меня получилось...

Три месяца тому назад

Познакомились мы три месяца тому назад, на Мальдивах. Я поехала туда неожиданно даже для себя самой. Так надоела мне российская зима с ее серо-беспросветным небом, хмурыми людьми, усталостью и раздражением, что я решила сделать подарок самой себе. Мне нужен был отдых. Просто отдых – бездумное валяние на пляже и плавание в океане. Я хотела разгрузить голову от бизнеса и целиком окунуться в неделю отдыха.

Я зашла в турбюро недалеко от дома и, пролистав каталог, выбрала тур. Через две недели я уже летела в самолете и с нетерпением посматривала в окно: скоро ли прибытие?

Отель, куда меня заселили, был шикарным. Я переоделась и, захватив сумку с пляжными принадлежностями, пошла на берег.

Расстелив полотенце, я разлеглась под солнышком и спустя несколько минут почувствовала, как на меня упала тень. «Тень» не уходила, и я раскрыла глаза. Прямо надо мной стоял мужчина и самым нахальным образом пялился на меня. Я села и отряхнула песок с тела.

– Вам что нужно? – спросила я. В ответ было молчание... – Ду ю спик инглиш?

– Русская, – услышала я в ответ. – Так я и думал. Нашу барышню ни с кем не спутаешь! Видно издалека. Можно с вами познакомиться?

– Нельзя! – отрезала я, покосившись на нахала. У него были синие глаза и светлые волосы. Роста он был небольшого, но с развитой мускулатурой. Видно было, что он постоянный посетитель фитнес-клубов и прочих мест для «качания».

– Это почему же?

– Потому! Вы мне мешаете. И вообще... не могли бы вы отойти? Я загораю.

– Святое дело. Загорелая девушка – мечта любого мужчины. Загар – это так пикантно!

– Вы меня уже утомили, – со вздохом призналась я. – Нет, правда, честное слово! Приехала я сюда, чтобы отдохнуть в тишине и покое. А тут вы... Давайте расстанемся по-хорошему.

– Я вас отлично понимаю. Я и сам себя уже утомил. – Мужчина неожиданно присел рядом и взял меня за руку. – Кожа у вас скоро обгорит. Вы белокожая, и вам нужно смазываться кремами от солнца.

Его рука была теплой. Как и моя. Прикосновение было приятным, и я рассердилась уже на саму себя.

«Солнце, что ли, тебе ударило в голову, Юлька, – одернула я саму себя. – Перестань поддаваться этому мачо! Привык клеить девчонок на курортах, вот и подъезжает ко мне... Отшей его немедленно, и дело с концом. Почему ты медлишь?»

А я действительно медлила. И сама не знала почему...

– Ну так что, девушка? Будем загорать вместе? Одну секунду. Я только свои вещички перенесу к вам. Как зовут, кстати?

Я вновь посмотрела на незнакомца. Его ярко-синие глаза плавилась от солнца.

– Оля! – соврала я.

– Ждите, Оля. Я сейчас приду. – Он отнял свою руку и отошел в сторону.

Я вдруг запаниковала, непонятно почему. Захотелось убежать – и немедленно! В душе зашевелился страх. Я поднялась, быстро собрала свои вещи, и вдруг за моей спиной послышался его голос:

– Уже уходишь? Без меня? Я приглашаю тебя в кафе. И не вздумай отнекиваться, Оля... – протянул он, понизив голос.

В кафе я в основном налегала на коктейли. У меня почему-то подкашивались ноги и пересыхало во рту. Незнакомец, представившийся Славой, производил на меня прямо-

таки гипнотическое воздействие. Я ощущала себя кроликом перед удавом, который не может оказать никакого сопротивления из-за внезапного паралича. И это меня нервировало еще больше. Слава же, напротив, явно был в ударе... Он сыпал разными историями, рассказывал о каких-то знаменитостях, травил анекдоты, и все это – на одном дыхании. На меня обрушился целый фейерверк информации и водопад остроумия. Я потягивала коктейль, время от времени мою голову сверлила мысль: «А что дальше?»

А дальше была ночь, сплетение влажных от испарины тел, учащенное прерывистое дыхание; новые ароматы, вкусы, ощущения. Я уже и забыла, как это бывает...

Мы двигались в одном ритме, без слов, без остановок, мое сердце взмывало и ухало со страшной скоростью вниз.

Наслаждение длилось и длилось. Мой новый друг был неутомим. Наслаждение – как острая вспышка, наслаждение – как длинная волна, уносившая меня куда-то далеко, я задыхалась, стараясь сдержать крик, и еще крепче прижималась к Славе.

Спад, подъем, и снова спад, и вновь – подъем... Я уже не помнила себя, не помнила, где я. Мои руки скользили по спине Славы, а он в ответ все сильнее вдавливал меня в постель, словно стремясь окончательно распясть, пришить к ней. Губы мои горели, горело все тело, и жажда эта никак не утолялась, а рождала только новую жажду.

Когда под утро все стихло и я, мокрая, опустошенная, прижалась к нему, он потрепал меня по волосам и сказал:

– Котенок, это было просто чудесно. Ты не находишь?

Если честно, я сама не знаю, почему я так поступила. Я взрослая женщина, знающая себе цену, владелица собственной фирмы. После смерти Константина, моего мужа и партнера, я думала, что уже никогда ни с кем не заведу длительных, прочных отношений. Костя научил меня всему. И незадолго до смерти он сказал мне:

– Что бы ни случилось, Юлик, слышишь, ты должна быть сильной и выжить. Понимаешь меня?

Как сейчас я помню этот вечер и наш разговор в офисе; душный летний вечер; правда, у нас работал кондиционер. Я сидела за столом и смотрела на Костю. Он ходил по кабинету и время от времени останавливался, запуская руку в волосы. Я глядела на него и думала: я счастливая женщина, у меня есть собственное дело, любимый мужчина, достаток, уверенность в завтрашнем дне. Как это ни банально, но жизнь научила меня ценить все блага, которые приносят достаток и деньги. Мы с Костей собирались через недельку-другую полететь на Сейшелы и там отдохнуть. Мы были вместе пять лет, но не успели ни приесться, ни наскучить друг другу. Мы как будто все еще присматривались, проверяли друг друга. За нашими плечами было слишком многое: унижение, предательство, боль, смерть близких, чтобы мы так легко и безоглядно поверили друг другу. Мы оба прошли «боевое крещение» и научились слушать друг друга, доверять и идти на компромиссы. Мы уже думали о свадьбе, а потом о... детях...

Сейчас я могла себе это позволить... Я росла в бедной семье, у моей матери не было возможности покупать мне игрушки: отец нас бросил, когда мне было пять лет. Меня и брата Ромку мать поднимала одна, горбатая на двух ставках в больнице. Именно тогда я поклялась, что у моих детей будет все: и красивые игрушки, и светлые комнаты, и вкусная еда. Мой брат Ромка утонул, когда ему было пятнадцать лет. Он купался в речке и внезапно начал задыхаться, спасти его не удалось... Смерть брата подкосила мою мать, она стала часто болеть, а через четыре года умерла от сердечного приступа. Так в семнадцать лет я осталась одна. Окончив школу, я покинула родной город и устремилась в Москву. Я не боялась затеряться в чужом незнакомом городе, не боялась пропасть там. Как ни странно, но после смерти родных весь мой страх куда-то пропал. Я поняла, что самое страшное – это смерть близких,

когда ты бессильна и не можешь ничего поделать, со всем же остальным я справлюсь. Так я думала в то время, так мне казалось...

Первое время я надеялась устроиться на любую работу, потом – поступить в техникум или в училище. Куда – я не знала, но предполагала сориентироваться на месте.

Москва опрокинула все мои планы... Никакой работы там не было. От отчаяния я бралась за любой приработок: работала официанткой в кафе-ресторанах, торговала на рынке товаром из Китая и Вьетнама, один месяц проработала секретаршей. Нигде не получалось у меня задержаться надолго: слишком быстро мужчины давали мне понять, что этот мир – их место, и женщине, а тем более одинокой женщине, как раз места в нем нет. Они пытались оказывать мне покровительство, побыстрее затащить в постель и продемонстрировать свое превосходство. Случайный, быстрый, необременительный секс – вот что было им нужно в первую очередь. Секс как утверждение своего превосходства надо мной и другими, такими же горемыками в этом большом городе.

Я не могла позволить, чтобы меня растоптали. Я сопротивлялась этому изо всех сил. Мне почему-то казалось, что, если я позволю делать мужчинам все, что они захотят, я сломаюсь окончательно. Любая работа была мне не страшна, но только не это унижение в сексе. Особенно мне запомнился один случай, когда я работала на рынке: хозяин палатки, маленький чернявый азер, после первого же дня торговли смерил меня взглядом с головы до ног и сказал:

– Зайди на склад. Дело есть.

Ничего не подозревая, я пошла на склад, и он вдруг сильно прижал меня спиной к коробкам с товаром и начал торопливо расстегивать ширинку дрожащими пальцами.

– Отсоси! – бросил он. – Ну, быстро!

Я покачала головой, тогда он схватил меня за волосы и стукнул головой о коробки.

– Будешь кочевряжиться! Ну! Щас расстелю тебя тут и высеку.

Холодная ярость ударила мне в голову. Я изо всех сил стукнула его в пах и, пока он, согнувшись, охал, побежала между узких рядов к выходу.

Девственность я потеряла в десятом классе – после смерти матери. Мне было так плохо и одиноко, что через месяц непролазной тоски и боли я пригласила к себе домой одноклассника Петю Грицаева, и с ним у нас была ночь, во время которой Петя старался изо всех сил доставить мне удовольствие. Правда, у него это получалось плоховато. Под утро мы расстались, и я приказала ему обо всем молчать. Он кивнул и спросил, когда мы встретимся снова. В ответ я неопределенно пожала плечами и, когда он ушел, долго лежала на кровати без сна и смотрела в потолок. Я ощущала какое-то странное опустошение и желание выпиться. Спустя какое-то время я пошла в магазин и купила бутылку водки, а потом, опьянев, плакала злыми бессильными слезами от отчаяния и невозможности что-то изменить. С тех пор я поняла одну простую вещь. Есть обстоятельства, переломить которые мы не в силах: это – болезни и смерть близких людей, с остальным мы должны справляться. Во всяком случае, мы должны очень стараться...

Я снимала койко-угол вместе с другими девчонками, которые так же, как и я, старались зацепиться, укорениться в Москве, потому что на родине их никто не ждал, потому что там была безработица, мужики-алкоголики и полное отсутствие жизненных перспектив. Мы снимали однокомнатную квартиру впятером. Две хохлушки из Житомира, одна девушка из рязанской деревни и еще одна – из маленького городка в Карелии. Пятой была я. Как легенды, между девчонками ходили истории: как кому-то повезло выйти замуж за москвича и получить вожделенную прописку, мужа, дом, а в будущем детей и спокойную счастливую женскую жизнь – то, чего мы были лишены в настоящем. Я слушала эти истории вполуха, мне почему-то казалось, что это – глупости, которыми девчонки себя тешат, чтобы не сойти с ума.

– Юлька! Ты чего нос воротишь? – спросила меня как-то Маринка – высокая девушка из рязанской деревни. – Тебе неинтересно, да?

– Неинтересно! – подтвердила я. – Очень даже неинтересно.

– Почему? – Маринка посмотрела на меня с недоумением. – Ты не хочешь выйти замуж?

– Хочу. Но не так.

– Как – так? – спросила меня Оксана, одна из бойких хохлушечек из Житомира.

– Я не хочу сидеть и ждать замужества, как манны небесной, как способа, который решит все мои проблемы. Нельзя делать ставку на мужа. Мужчины очень ненадежны. Даже лучшие из них. Они всегда могут уйти, бросить тебя, увлечься другой женщиной. И что тогда делать? Сидеть и рыдать в подушку.

– А чего ты хочешь? – спросила Маринка.

– Стать хозяйкой собственной судьбы! – не задумавшись ни на миг, ответила я. – Самой все выбирать и решать. Самой все планировать. И самой... уходить от мужчины, когда я сочту это нужным.

В ответ прозвучал громкий дружный смех.

– Размечталась! – фыркнула Оксана. – Мужчина всегда главный. А женщин, которые добиваются своего, очень мало. Выброси все это из головы, иначе так и будешь всю жизнь куковать одна. Мужики таких самостоятельных не очень-то любят. Им всегда нужна женщина попокладистее и поспокойнее. Будешь в рот им смотреть – быстрее своего добьешься.

Но я не могла выбросить из головы эти мысли – они и были моими убеждениями. Я так думала, так считала и... хотела стать женщиной, которая все делает САМА. Если бы я знала, каким долгим, трудным и извилистым окажется путь к моей мечте, может быть, я бы свернула с этой дороги и пошла по другой – более легкой и привычной для женщин. Но мой упрямый характер диктовал мне единственный возможный выбор.

– Дурочка! – прошептала Оля из Карелии. – Лучше бы думала, как мужика приличного охомутать. Молодость проходит быстро, а Москва – город, где любят молодых. В тридцать лет женщина здесь – уже старушка. Посмотри, сколько молодого мяса на рынке! Бери – не хочу! Будешь долго раздумывать – вообще одна останешься. У тебя даже парня нет.

– И не надо! – воскликнула я. – Очень нужно под кого-то подлаживаться!

Среди этих девчонок я слыла чудилой и не от мира сего за эти свои мысли. Иногда, в редкие минуты, оставаясь одна, нежилаясь в ванне, вставала из воды, смотрела на себя в зеркало... Девчонки правы – молодость и красота проходят быстро, глазом не успеешь моргнуть. И что меня ждет в дальнейшем? Возвращаться в родной город – смысла нет. Да и кто меня там ждет? Квартиру я продала... родни – никакой. С таким же успехом я могу поехать в любой другой город, где меня тоже... никто не ждет! Я была одна на всем свете. Мои близкие и любимые лежат в могилах, а я здесь – никому не нужная. Без друзей, без нормальной работы. Мне однажды стало себя так жалко, что в носу защипало, и я шмыгнула носом. Плакать и жалеть себя я не любила, потому что, если начать это делать, то уже не остановишься. Ведь действительно жалко себя! Жалко до слез! Но поделаться ты ничего не можешь. Я лишена того, что имеют москвички: любящих пап с мамами, крыши над головой, пусть какой-никакой, но – стабильности. Их никто не выгонит на улицу, и всегда кто-то им поможет из родни или знакомых, пристроят на работу. У меня же не было никого и ничего. И поэтому я должна быть сильной! А если я буду киснуть и жалеть себя, то превращусь в истеричку с постоянно заплаканными глазами и мрачной физиономией. Мысли о замужестве я гнала прочь, чтобы не тешить себя попусту напрасными надеждами. Не так уж часто иногородней девушке выпадает шанс выйти за москвича. Наслышалась я историй, когда девчонки радовались этому, как лотерейному билету, и все равно им было за кого идти, лишь бы москвич. А мне хотелось не просто выйти замуж, а по любви. Если бы я знала, как

это бывает редко и какой это подарок богов – взаимная большая любовь! Но тогда я об этом ничего не знала! И ведь я не была уродиной, наоборот, часто слышала от мужиков, какая я, мол, красавица. Я была блондинкой с пепельным отливом. Широкие скулы и чуть раскосые карие глаза – от папы-южанина. Четкой формы губы, стройная длинная шея и высокий рост – это от мамы. Я особенно уж за собой не следила и не пыталась себя как-то приукрасить. Одевалась тоже просто: джинсы, футболки, куртки и джемпера. Волосы подкалывала вверх, косметикой почти не пользовалась.

Так все и пройдет, думала я. Работы нет, мужчины нет, жизнь впереди – как сужающийся коридор...

Надо что-то делать с работой, найти что-то попримечнее, чем продавщица или официантка в разных забегаловках.

И вот однажды я взяла газету, лежавшую на тумбочке, – ее оставил кто-то из девочек, – и наткнулась на объявление: «На высокооплачиваемую работу требуются высокие девушки с хорошими внешними данными. Телефон». Больше никаких пояснений не было.

Первая мысль была: вербуют проституток в спа-салоны или бордели! Вторая мысль: можно позвонить, от меня не убудет, сомнения свои я развею или, наоборот, укреплю. Телефон-то есть!

Но, позвонив по телефону, конкретной информации я так и не добилась. На том конце со мною разговаривали неохотно, предложили подъехать и «все узнать на месте».

Повесив трубку, я какое-то время слонялась по квартире, потом перезвонила и узнала адрес, торопливо записав его на клочке бумаги. Место, куда я собиралась поехать, находилось на северо-западе Москвы. Я взяла карту и нашла эту улицу. Через пять минут я уже выходила из дома, сама не понимая, почему я решила все-таки туда наведаться, ведь наверняка эта работа связана с интимом, а то, что мне ничего не сказали, – так это для отвода глаз. Вот и предлагают приехать к ним, чтобы разглядеть меня как следует. Хотя... вдруг там просто требуются секретарши в хороший офис?

...В комнате, куда меня провели, сидела маленькая жгучая татарка, при моем появлении она слегка нахмурилась.

– Где работали раньше? – спросила она.

Я перечислила свои места работы.

– Официанткой? – удивилась она. – Это хорошо! Мы набираем девушек для работы в элитный загородный ресторан. Все спокойно, чинно, благородно. Платим хорошо, но и требуем немало. Нужно за собой следить как следует, ухаживать. А вы, судя по всему, о том, что такое маникюр, понятия не имеете.

Я вздернула голову. Захотелось уйти, но что-то меня остановило.

– Сейчас мы вас посмотрим как следует. Я еще не решила: брать вас или не брать? Нужно подумать. Идите к нашему гримеру, Вадику. Тут у нас конкуренция. И кастинг...

Гример Вадик, стильный гей с зачесанными вверх и обильно смазанными гелем волосами, стоявшими хохолком, колдовал надо мной часа два. Сначала он вымыл мне голову, потом высушил феном волосы и сделал укладку. Затем он перешел к лицу. Наложил тон, потом его внимание приковалось к моим глазам; он то и дело просил меня открыть их, потом снова закрыть. Вадик то отходил от меня, то приближался. Когда все закончилось, он приревновал и повернул кресло, в котором я сидела, к зеркалу:

– Смотри! Это – ты!

Как ни странно, это действительно была я: с роскошными белокурыми волосами, широко распахнутыми глазами, с искусно подведенными стрелками и четко очерченными губами. Вадик «сделал» мне такое красивое обрамление, что я стала похожа на девушку с обложки гламурного журнала. Я зажмурилась, а когда открыла глаза, встретилась взглядом с Вадиком.

– Вот что значит – профессионал! – томно протянул он.

Меня взяли на работу в загородный элитный дом отдыха «Холидэй клуб». Солидные богатые мужчины приезжали сюда расслабиться, отдохнуть, побыть в своем кругу. Место было в высшей степени тихое и респектабельное. Тогда я еще не знала крылатого выражения «Большие деньги любят тишину», в этом случае смысл выражения я видела бы наглядно. На большой ухоженной территории располагались несколько домов, прятавшихся среди огромных сосен. Имелся и так называемый головной корпус – с сауной, бильярдной, с просторными курительными комнатами, массажным кабинетом и с кучей всяких «развлекательных» помещений. Шикарный ресторан с европейской и японской кухней. Повар – отменный, выписанный из Парижа. Я работала официанткой, но форма была – как у женщины, приехавшей на бал. Ярко-алое платье до колен, волосы перехвачены такой же алой лентой, и только крошечный черный кружевной фартук указывал на то, что я – официантка.

Зара меня сразу предупредила: с мужчинами – никаких контактов. Только вежливые улыбки, и все. Грубо их отшивать – нельзя. Это запрещалось. Иначе – выгонят меня с волчьим билетом, нигде на работу не устроишься, предупредила она. Я согласно кивала головой: меня это устраивало. Деньги и правда платили – по моим понятиям – большие. Во всяком случае, я сразу съехала от девчонок и сняла уютную однокомнатную квартиру, правда, не в центре, зато отдельную хату. Теперь мне требовалось следить за собой, в этом плане у нас все было строго. Маникюр-педикюр, ухоженные волосы и кожа, умеренный макияж...

Я подружилась с одной девушкой – высокой брюнеткой с кудрявыми волосами и черными глазами. Звали ее Леной. Она была порывистая, худощавая, говорила быстро, почти скороговоркой. Курила, а это у нас не поощрялось. По окончании работы она располагалась в так называемом дворе позади ресторана и смолила одну сигарету за другой. Я иногда тоже закуривала на пару с ней, но чаще просто слушала ее рассказы. Лена работала здесь уже год и была посвящена во многие дела клуба. Высказывалась она обмолвками, часто что-то недоговаривала и делала многозначительные паузы между фразами. Зару она называла старой сукой, понижая голос, чтобы, не дай бог, никто ничего не услышал и не донес на нее. Лена мне и сказала, что заведение это – темное и ухо надо держать востро. Когда я заметила, что меня устраивает отсутствие «интимных услуг», Лена только фыркнула и повела выразительно глазами, но ничего не ответила. Она мечтала накопить большую сумму, уехать в Сочи и открыть там свою парикмахерскую или салон красоты.

– Сочи – богатый город, – говорила Лена, встряхивая гривой волос, – там деньги под ногами валяются, нужно только вовремя нагнуться и подобрать их. А свое дело в Сочи – это стопроцентная прибыль. Богатые папики туда так и прут. Клиенты с кошельками – на каждом шагу. Бывала я в Сочи и знаю, как там дела делаются...

С Ленкой мы работали в паре. Выглядели вместе эффектно: блондинка и брюнетка. Я – в алом, она – в белом... Когда мы входили в зал, мужчины внимательно осматривали нас. Было приятно, несмотря ни на что, видеть, как в глубине даже самых сонных, усталых и пресыщенных глаз загорались огоньки. Вскоре на меня обратил серьезное внимание один немолодой вальяжный мужчина, немного похожий на усталого ротвейлера. У него был тяжелый подбородок и немного оттопыренная нижняя губа, словно в знак презрения ко всем и вся. Глаза – водянистые, но, казалось, они вбирали тебя всю и насквозь просвечивали, словно лазером... Он был невысокого роста, полноватый, с дорожными часами, с ухоженными белыми руками. Я видела, что отнесся он ко мне с повышенным интересом, но восприняла это спокойно. Зара все уже мне сказала, поэтому если он станет приставать, я его вежливо отошью. Бояться мне нечего, это – указание «хозяйки».

Зара вызвала меня в тот же вечер и спросила, как ведет себя мужчина за пятым столиком. Я обрисовала ей ситуацию. Смотрит, мол, на меня, но за рамки не выходит. Все чинно и спокойно. Зара сухо кивнула и отправила меня на вахту. Обычно клиенты приезжали к

нам по выходным, вот и этого «вальяжика», как я его окрестила, я видела всего два раза – в выходные, и поэтому очень удивилась, заметив его на следующий день – в понедельник. Виду я, конечно, не подала, потому что Зара учила нас быть вежливо-бесстрастными, но, подойдя к столику, удивилась: мэн кратко кивнул мне и приказал сесть. Я присела на краешек стула, заученно улыбаясь привычной улыбкой. Он спросил, как меня зовут и сколько мне лет. Потом поинтересовался: давно ли я здесь работаю? Я ответила на все его вопросы, он похлопал меня по руке и – как бы невзначай – задержал свою ладонь на моей. Рука его была холодной и влажной. Я замерла, но он быстро отнял руку и перечислил мне заказанные блюда.

Зара вызвала меня снова, на этот раз – утром, и сказала, что мною заинтересовался господин за столиком номер пять; завтра вечером он ждет меня в четвертом коттедже. «Ты придешь, и тебе все объяснят, – будничным тоном сказала она. – Ты все поняла?» «Вы же говорили, что никаких интимных услуг не будет!» – вырвалось у меня. Зара посмотрела на меня своими непроницаемыми черными глазами. «Девочка, – она смотрела как бы сквозь меня, – тебя кто-то разве спрашивает о чем-то? Ты хочешь снова оказаться на улице? Кроме того, в случае отказа тебя ждут очень крупные неприятности, – усмехнулась она. – Я тебя предупреждаю!..» Я понимала, что Зара не шутит: о нашей крутой и скорой на расправу «хозяйке» ходили легенды. Так, одну девушку, которая нагрубила клиенту, попросту избил охранник, другую, которая что-то сказала Заре в глаза, вышвырнули без денег, отняли паспорт... Это только те случаи, о которых я знала. Обо всем остальном можно было только догадываться, но недаром Ленка говорила, что Зара – зверь и с ней лучше не связываться, себе дороже. Теперь все намеки Ленки всплыли в моей памяти. Недолго думая, я набрала ее номер. Мы с ней встретились в центре Москвы, в симпатичном кафе, где было мало народу и мы могли спокойно, без помех, поговорить. Когда я выложила Ленке свою историю, она усмехнулась и сказала:

– Я же тебя предупреждала!

– Я тогда не поняла, о чем ты говоришь, – поспешно сказала я. – И потом, ты высказывалась такими намеками, что понять было невозможно.

– А нам нельзя разглашать информацию! Разве ты не помнишь: мы при поступлении на работу бумагу подписываем?!

Невольно я закусила губу. Действительно, бумагу-то я подписала, не особенно вдумываясь в ее содержание. Я-то думала, что это – так, пустая формальность. А оказалось – нет... И как мне теперь выкрутиться из этой ситуации? Спать с «вальяжником» мне не хотелось. Ну никак! Может быть, убежать? Я поделилась своими сомнениями с Ленкой. Она встряхнула по привычке волосами и покачала головой.

– От Зарки не скроешься. Найдет – убьет! Знаешь, сколько ей денег за каждую девчонку отваливают? Тебе лишь копейки перепадут! Это называется «премия» на нашем языке. А львиная доля Зарке идет. Точнее, тому, кто владеет этим загородным домом отдыха. Ну и Зарке перепадет... Пирамида выстроена четко, не бойсь! Так что деваться тебе некуда. Зарка тебя найдет и все лицо исполосует. Кому ты тогда будешь нужна?

Я похолодела. Теперь я поняла, в какую ловушку угодила! И выхода нет. Такая тварь, как Зара, найдет меня, достанет хоть из-под земли... «Что делать?» – машинально спросила я вслух.

– Ничего, как говорится, расслабиться и получить удовольствие.

Я вздрогнула и пролила на скатерть кофе.

– Вот видишь, ты уже нервничаешь! А если подумать, то ни выхода, ни выбора нет. Так что... – фразу Ленка не закончила, уставившись куда-то мимо меня. – Накопить бы побольше денег и уехать в Сочи, – с тоской сказала она. – Надоело мне все здесь...

Расставшись с Ленкой, я поехала домой. Я по-прежнему не видела никакого выхода. Зару я боялась, но и ложиться в постель с «вальяжником» мне было противно. Не я первая, не я последняя, размышляла я вечером, отдыхая в ванне. Пересплю – и всех делов! Жизнь – она такая, постоянно тебе ловушки расставляет. Каких-то препон можно избежать, каких-то – нет. Если бы дело касалось только денег, я бы плюнула на все, но ведь Ленка права: Зара меня найдет и изуродует. Деньги-то уже «уплочены»...

На другой день, вечером, я пришла, как всегда, вовремя на работу, но меня сразу же отправили в небольшую комнату, где выдали «униформу»: высокие кожаные сапоги, кожаный корсет и тонкие кружевные черные бикини. Я ощущала себя тряпкой, вещью, но ничего не могла сделать, потому что в моих ушах звучали Ленкины слова: «Зара найдет меня и изуродует, или будет еще хуже... Я вся дрожала, но не от холода или страха, а от желания убежать и невозможности сделать это. На мои плечи накинули черный плащ, и под конвоем плечистого охранника я пошла к одному из коттеджей, спрятанному в глубине территории. Уже наступали сумерки, дело было в сентябре. Вдоль дорожки вились цветочные бордюры, перед коттеджем высилась альпийская горка, но все эти красоты ландшафтного дизайна меня мало занимали: я шла и думала о том, что сейчас будет, и то, что рисовалось в моем воображении, заставляло меня съезживаться все сильнее.

«Вальяжник» ждал меня в небольшой комнате-кабинете. Он кивнул охраннику, и тот молча ушел. Ни слова не говоря, «вальяжник» подошел ко мне и сдернул с моих плеч плащ. Я стояла перед ним, но никак не могла посмотреть ему в глаза. Мужчина был в темном костюме, как будто только что вернулся с делового заседания. Возможно, так и было...

Комната была небольшой: светлые стены, стол, черный диван и два черных кресла – чем-то она напоминала офис. Мужчина сел на диван и похлопал по нему ладонью.

– Садись рядом, – сказал он приказным тоном.

Я села. Он взял мою руку и положил ее себе на пах. Я чувствовала, как вздымается его плоть. Резким движением он расстегнул ширинку, и его член вывалился наружу. Он поднялся и сделал жест, чтобы я поднялась. Я встала, и он развернул меня к себе спиной и сказал хриплым голосом:

– Обопрись о диван!

Я стояла, опершись руками о диван, в то время как он пыхтел сзади, издавая краткие возгласы. Я же молчала, думая лишь о том, чтобы все это поскорее закончилось. Мужчина кончил и вышел в другую комнату: судя по звуку полившейся воды, там была ванная. Я подняла с пола упавший плащ и накинула его на плечи. Я не знала, могу ли я уйти? Тут «вальяжник» вышел из ванной и махнул мне рукой:

– Ты куда? Мы еще не закончили!

Эта попытка, как мне казалось, вообще никогда не кончится. Похоже, он наглотался виагры или чего-то в этом духе. Наконец, он повернулся ко мне лицом и сказал:

– На сегодня – свободна! Глаза у тебя, как у хищницы. Белокурая Пантера, – он произнес эти слова с расстановкой. – Я буду звать тебя именно так...

Так началась моя вторая жизнь. Я стала роскошной женщиной, о которой мечтали мужчины. За ночь со мной они готовы были выложить немалые суммы, и Зара была довольна мною. От этих денег мне тоже кое-что перепало, и немало, я теперь ни в чем не нуждалась: купила двухкомнатную квартиру на северо-западе Москвы; у меня была дорогая импортная тачка. Я посещала самые крутые салоны красоты, у меня была личная массажистка, я могла себе позволить поехать отдыхать куда угодно. Многие девчонки страшно бы мне завидовали, если бы увидели, как я живу, но эта жизнь оставляла в моей душе лишь ощущение скуки и пустоты. Я жила, как за стеклянной стеной: жизнь была сама по себе, я – сама по себе, и мы никак не пересекались. Я ненавидела саму себя, и это было ужаснее всего! Я чувствовала себя вещью, дрянью, дорогой шлюхой, и, сколько бы я ни уверяла себя, что таков мой путь

и крест – ведь я не умею ничего делать и у меня нет никакой профессии, у меня есть только мое тело, внешность, моя грива белокурых волос, рассыпавшихся по спине, стройные ноги, белая кожа и чувственные губы... – ничего не помогало. Белокурая Пантера! Богатые мужчины приезжали в наш клуб и искали свидания со мной. И чем больше я узнавала мужчин, тем большим презрением проникалась к ним. Какие же они все скоты и сволочи, как сильно они жаждут удовольствий – любой ценой, и как легко предают свои семьи и любимых женщин, даже не задумываясь о последствиях! Тот день, после которого столь резко изменилась моя жизнь, я помнила очень хорошо. У меня была назначена встреча с очередным клиентом. Я ехала в загородный клуб, включив музыку на полную катушку, окно в машине было приоткрыто, ветер развеивал мои волосы, я была в темных очках, стоял август, но было тепло, и я думала: вот и еще одно лето в моей жизни пролетело мимо, а я его и не заметила... Мужчины, ехавшие в ту же сторону, жадно смотрели на меня, двое даже вскинули руки в знак восхищения, а я горько улыбалась и думала – если сейчас я разгонюсь и врежусь в столб или в дерево, моя никому не нужная, никчемная жизнь закончится, и... может, это будет к лучшему?..

От этих мыслей, которые регулярно приходили в голову, мне опять стало тошно и захотелось курить. Я пошарила в сумке: сигарет не было. В бардачке – тоже. На трассе я увидела вывеску придорожного кафе «Рио-Рита» и решила притормозить.

В кафе было мало народу. За стойкой скучал бармен. При моем появлении он оживился и выпрямил спину. Я подошла к нему, не снимая темных очков, – это была моя маска, защита от внешнего мира.

– Мне, пожалуйста, «Винстон». «Винстон Блю», – уточнила я.

– Одну минуту!

Я заплатила за сигареты и направилась к выходу. Спускаясь по ступенькам крылечка, я услышала, как меня окликают сзади.

– Девушка!

– Да?! – Я приостановилась.

– Девушка! – Ко мне подошел молодой парень, брюнет с зелеными глазами. – Вы уронили.

Он протянул мне роскошную зажигалку, усыпанную стразами от Сваровски.

– Ошиблись. Это не моя.

– Будет вашей.

– Подарки мне не нужны.

– Ну почему же? Берите!

Ядовито улынувшись, я взяла зажигалку и бросила ее в сумочку.

– Это все? Больше вопросов нет?

– Есть. Можно вас пригласить куда-нибудь?

– Нет.

– Почему?

– Долго объяснять.

– А вы попробуйте в двух словах, может быть, я пойму!

Нахал был слишком настойчивым. Я сняла темные очки и сунула дужку в рот. Этот жест выглядел сногшибательно сексуальным.

– Понимаете, – начала я, – мои услуги весьма дороги. Вам они не по карману. Так что звиняйте, как говорят на Украине.

– А бесплатно не пробовали?

– А зачем?

– Ну... – Он потер подбородок. – Ради разнообразия.

– Вы мне предлагаете халяву?

– Нет. Предлагаю жизнь.

Я рассмеялась:

– Не очень вас понимаю...

– А что там понимать: молодая, красивая, а живешь, как в клетке. Когда ты вошла, я подумал про себя – вот девушка моей мечты, и все мечтал твои глаза увидеть. А сейчас я вижу, какой у тебя взгляд несчастный. Живешь ты и не знаешь, как вырваться.

Я повела плечами. Мне внезапно стало зябко, разговор принимал опасный оборот, и надо было срочно его заканчивать. Тем более, что меня ждал клиент и следовало поторопиться.

– Много ты понимаешь!

– Побольше тебя. Всякое пришлось повидать в жизни...

И вдруг он сделал то, чего я от него никак не ожидала: шагнул ко мне и поцеловал. Поцелуй был долгим, я уперлась руками ему в грудь, но он держал меня крепко.

– Поехали! – вдруг заявил он. – Зачем терять время?

– Куда? – машинально спросила я.

Он потер рукой подбородок!

– А не все ли равно?

– Все равно, – прошептала я.

Мы провели сумасшедшую ночь. Утром я все рассказала Косте, и он обещал «уладить эту проблему». Я должна переехать к нему, а о прошлом – забыть. Как будто его и не существовало! Я не верила, что Зара согласится отпустить меня, и ожидала, что Костя вернется ни с чем. Он уехал на переговоры в клуб, а я слонялась по номеру в гостинице, который он снял, и кусала губы, шепча:

– Черт! Если Зара меня не отпустит, я повешусь!

Когда хлопнула входная дверь, я медленно, на негнущихся ногах шагнула вперед... шагнула к Косте...

– Ну что, Юлик! – весело сказал он, широко раскинув руки для объятия. – С новой жизнью!

Завизжав, я бросилась ему на шею...

Я никогда не спрашивала Костю: как же ему удалось умиловать Зару и на каких условиях она согласилась меня отпустить? Ведь я была курицей, несущей золотые яйца! Не хотелось касаться этой темы – я наложила на нее табу. Да и сам Костя никогда не заговаривал об этом, и я была благодарна ему за все... Но это была не просто молчаливая дружески-приятельская благодарность. Я любила Костю как мужчину, более того, он стал моим первым мужчиной, с которым я узнала настоящую страсть. Секс, раньше внушавший мне смутное чувство отвращения и желание, чтобы все поскорее закончилось, превратился в источник радости и наслаждения. Костя был щедрым, неутомимым любовником, он умел принимать и дарить ласки. Мы могли заняться сексом где угодно, когда желание накрывало нас с головой, как теплый июльский дождь. Мы любили останавливаться в гостиницах и любить друг друга в этих чужих комнатах, где наши запахи смешивались с запахами бывавших здесь до нас людей.

Раньше я страдала бессонницей, а теперь я спала сном праведного младенца – счастливая, обессиленная после Костиных ласк. Мне нравилось засыпать рядом с ним, чувствовать его тело, тепло, силу. Я прижималась к нему, а он поддевал свою руку под мои плечи. И мы засыпали с мыслью о том, чтобы проснуться вместе и начать день с утренней порции секса, как другие начинают его с чашки кофе. Утренний секс обычно перемежался смехом: все вокруг словно искрилось и обещало чудесное начало нового дня. И я твердо знала, что Костя рядом и, значит, мне ничего не страшно – я под его надежной защитой, и бояться мне

нечего. Костя мне ни в чем не отказывал, он любил баловать меня; ему нравилось, когда я хорошо, со вкусом, одевалась, нравилось, когда на меня обращали внимание другие мужчины. А когда я однажды спросила его: ревнует ли он, в ответ услышала смех.

– Ревнуют убогие люди, которым нечего предложить женщине. Если ты встретишь кого-то лучше меня – отпущу с миром. Зачем удерживать человека насильно? Это же просто смешно!

Постепенно Костя стал приучать меня к бизнесу, я окончила заочно институт менеджмента, и он не спеша ввел меня в курс своих дел.

– Ты должна быть сильной, Юлик! Жизнь, она такая... подчиняется только сильным. Слабых она ломает. Слабые люди не ценятся. Это – труха под ногами.

– Но зачем мне становиться бизнес-леди? У меня есть ты.

При этих моих словах Костя отводил взгляд в сторону.

– Нужно уметь самостоятельно стоять на ногах. Всякое бывает...

– Ты меня разлюбил? – спрашивала я с замиранием сердца. – У тебя появилась другая женщина?

– Что ты! – смеялся он и брал мое лицо в руки. – Мне никто, кроме тебя, не нужен. Это была любовь с первого взгляда. Я влюбился, как мальчишка.

– У тебя было много женщин?

– Какая разница! Список я тебе все равно не покажу.

– А он есть – этот список?

– Это я просто так выразился. Выкини эти мысли из головы.

Потом Костя предложил мне записаться в секцию дзюдо и в тир. Я со мехом отказалась, но он сердито встряхнул меня за плечи.

– Не смей смеяться! – И я увидела, как омрачилось его лицо. – Не смей! В жизни все бывает. Нужно уметь постоять за себя в случае чего...

– Ты говоришь какими-то загадками. Я тебя не понимаю!

– В нашей стране бизнесмены – люди риска. И все, абсолютно все может случиться. Поверь мне, лучше будет, если ты прислушаешься к моим словам и поступишь так, как я тебе говорю, Юлик! Когда-нибудь ты поймешь, что я был прав.

Я регулярно ходила стрелять в тир, овладела восточными единоборствами и не спрашивала: зачем мне это надо? Раз Костя считает, что мне это необходимо, значит, так и есть. Ему виднее.

Если бы я тогда уговорила бросить к чертям бизнес и уехать далеко-далеко, на Дальний Восток, осесть там, завести детей... Но Костя вряд ли прислушался бы к моим словам: слишком он был упрямым и своевольным и считал, что последнее слово должно всегда оставаться за мужчиной.

У нас был очень ограниченный круг знакомых – нам никто не был нужен, мы жили вдвоем, и нам вполне хватало общества друг друга. Но все же одна подруга у меня появилась – Татьяна, Тата, как я ее вскоре стала называть. Она жила и работала в США, но дела часто приводили ее в Москву. Костя познакомил меня с ней и сказал, что «Татьяна – человек стоящий: не обманет и не подведет». Мы сразу же подружились. Она мне очень нравилась – невысокая крепкая брюнетка с короткой стрижкой, с острым язычком и циничным юмором. Ей многое пришлось пережить, и она ценила хороших, верных людей. Как я и Костя.

Мы купили роскошную квартиру на Маяковке, с любовью продумали интерьер и с удовольствием приобретали разные домашние мелочи. На пятом году нашей совместной жизни Костя купил дачу в старом товариществе. Нам понравилось это место. Мы собирались продать мою старую двухкомнатную квартиру, снести старый дом и построить коттедж. Но нашим планам не суждено было сбыться.

Неприятности подкралась незаметно. Костя становился все более хмурым. А на мои вопросы он лишь махал рукой. «Ты от меня что-то скрываешь? – спрашивала я. – Поделись со мной, вместе мы придумаем какой-нибудь выход». Впоследствии я узнала, что у Кости был еще один бизнес, связанный с криминалом, о котором он мне не рассказывал. Этот бизнес уходил корнями в его прошлое, о котором он тоже молчал. Он говорил, что был воспитанником детдома и у него нет родных. Правда это или нет, я так никогда и не узнала... Свою жизнь и свои тайны Костя унес с собой в могилу. Его застрелили в подъезде, когда он шел ко мне с букетом алых роз. Это была пятая годовщина с того момента, когда он протянул мне зажигалку с украшениями от Сваровски. Этот день мы всегда отмечали дома вдвоем – шампанским, приятной музыкой и длинной ночью...

Когда я спустилась вниз – мне позвонила в дверь соседка – и увидела Костю, лежавшего на ступеньках с запекшейся стружкой крови, вытекавшей изо рта, я закричала так, что у меня заложило уши, и рухнула на пол. Я не помнила, как пришла в себя и что именно отвечала на вопросы следователя. Я не помню ничего, кроме пустоты, отчаяния и безысходности, охвативших меня.

Я не хотела есть, пить, не хотела просыпаться. Не хотела, чтобы начинался день, и не желала, чтобы наступала ночь. Первое время рядом со мной дежурила Тата, готовая в любой момент прийти на помощь. Но я не хотела видеть и ее. Мне никто не был нужен, кроме Кости! Но его-то как раз и не было... Тата улетела в Америку, взяв с меня обещание, что я буду жить дальше. Я равнодушно пожала плечами:

– Мне все равно.

– Все еще наладится, – скороговоркой сказала Тата и поцеловала меня в щеку.

А я отшатнулась, потому что мне захотелось ее ударить. Перед тем как уйти, она что-то торопливо сунула мне в руку.

– Прочти! – шепнула она и сбежала вниз по лестнице.

В полном оцепенении я раскрыла лист бумаги. Это было Костино письмо, написанное им заранее. Он, очевидно, предвидел неприятный поворот событий, предполагал, что его могут убить, и поэтому заранее составил это послание. Он писал, что всегда будет меня любить и просит меня жить дальше, не «чудить» – это было одно из его любимых словечек...

Для меня наступили черные времена. После отъезда Таты стало еще хуже. Я без конца прокручивала в памяти нашу жизнь с Костей, стараясь вспомнить каждую деталь, каждый эпизод. Вот он купил мне огромный букет, нет, целую корзину роз, и я зарылась в них лицом, а он принялся меня целовать, как сумасшедший. И корзина была отставлена в сторону, а мы уже срывали друг с друга одежду и любили друг друга на полу. Я случайно задела корзину ногой, и лепестки осыпали нас. И это было так красиво: наши обнаженные тела и лепестки роз на них! Вот Костя неожиданно купил нам путевки на Мальдивы, и мы сорвались, поехали, в разгар холодной колючей зимы, к теплому океану. И, только приземлившись в аэропорту, вспомнили, что забыли вторую сумку, где были купальники и другие летние вещи. Нам пришлось срочно экипироваться по новой, и мы со смехом в первом же попавшемся магазине выбирали себе одежду...

Помню, как я однажды неловко упала, и Костя долго сидел у моей постели и успокаивал меня... Я боялась, что у меня перелом ноги, но это оказался всего лишь вывих...

Мы не успели пожениться, мы просто не придавали значения всем этим условностям и штампам в паспорте. Мы и так были мужем и женой, парой... семьей... Вот только детей не успели завести, хотя в будущем планировали. Однажды Костя сказал мне, что хотел бы иметь большую семью. Трех сыновей и дочку. «Ты подаришь мне их?» – как-то спросил он меня, когда мы завтракали. «Обещать не могу, – ответила я, – но постараюсь...» Я потом забыла этот разговор, он стерся из моей памяти, а сейчас – вспомнила.

Судьба нанесла мне удар, от которого я уже вряд ли оправлюсь. Она и так-то была не очень милостива ко мне, злодейка-судьба, забирая у меня близких: брата, мать, Костю...

Господи, думала я, Костя, ты ввел меня в бизнес, научил всему, а сам ушел. Зачем? Почему? Как я теперь буду без тебя? И зачем мне вообще жить?..

В какой-то момент я даже испытала злость на него: мне казалось несправедливым, что он ушел один, а я осталась... Непонятно, почему... Если бы я могла повернуть жизнь вспять, думала я, смотря воспаленными глазами в темноту, я бы заставила тебя уехать подальше от Москвы и всего этого криминала! Пусть мы бы жили бедно, зато все были бы живы-здоровы.

Мой маршрут был теперь таким: кровать – кухня, шкаф – ванная – туалет. Я не заходила в нашу спальню, спала на диване в гостиной. И еще, у меня рука не поднималась расстаться с его вещами. Они по-прежнему висели в нашем большом шкафу-купе в спальне. Я даже не могла заставить себя открыть этот шкаф! Но однажды я все-таки зашла в спальню и присела на краешек большой кровати. Мы специально выбрали такой огромный сексодром и любили по утрам в выходные устраивать в постели возню, кидались подушками, как дети. «Ты был легким, радостным человеком, и вот Господь забрал тебя у меня, – шептала я. – Как же это неправильно, несправедливо...»

Я не подходила к телефону, да он и редко звонил... Я старалась отгородиться от всего мира, мне никто не был нужен. Никто!

И еще... я пристрастилась к алкоголю. Мне просто нечем больше было снимать свое горе. Только краткое забвение еще как-то продлевало мои дни на этой земле. Иначе бы я в одночасье свихнулась! Мы знали толк в хорошем вине, ты любил виски, я – коньяк, но сейчас я поглощала один бокал за другим, почти не чувствуя вкуса. Я пила алкоголь, как воду, и все равно не могла заглушить, забить свое отчаяние и сосущую сердце тоску.

Однажды я открыла ящик тумбочки, и оттуда высыпались фотографии, которые я не успела рассортировать по альбомам. Я не успела отгородиться от непрошенных воспоминаний, как они потоком нахлынули на меня: такие яркие, живые... Я зажала рот рукой и зашлась в безмолвных рыданиях. Я опустила прямо на пол и, машинально взяв один снимок, поднесла его поближе. Это было фото с Мальдив: мы – веселые, смеющиеся. Он прижимал меня к себе, на мне была шляпа с невысказанными полями. Он тогда еще назвал меня гламурной черепашкой, а я обиделась. Но ненадолго. Долго я не могла на него обижаться...

Я долго разговаривала с Костей, как с живым, а потом вскочила и побежала в ванную: мне вдруг захотелось увидеть себя в зеркале.

То, что я увидела, ничем не напоминало ту счастливую смеющуюся женщину со снимка. На меня смотрело измученное существо с красными глазами, тонкими спутанными волосами и бледными подрагивающими губами. Из меня ушла жизнь, осталась одна лишь оболочка. И вообще: зачем жить?..

Я провела рукой по лбу и вдруг почувствовала силу и решимость. Своей жизнью я могу распорядиться сама! Как захочу – так и будет... Я приняла решение, и теперь никто, абсолютно никто не мог меня остановить...

Я подошла к окну и посмотрела вниз. Там шла, кипела жизнь, далекая от меня, чужая жизнь, которая не прекратилась с уходом Кости, а продолжалась. «Я не могу без тебя», – прошептала я и свесилась вниз. Взгляд мой упал на Костино письмо, оно лежало на тумбочке, и я отошла от окна, перечитала его еще раз.

Он просил меня не чудить и жить дальше...

Я отшатнулась от окна и залилась слезами. Жить дальше... Разве это возможно?! И как мне жить?

Я рухнула на диван и проспала до утра.

Утром я съездила на кладбище и там, глядя на Костин портрет на памятнике, на высокое небо, по которому плыли легкие весенние облака, я вдруг поняла, что мне надо жить

дальше... Как завещал Костя. Он любил жизнь, и ради него, ради нашей памяти я должна жить.

Это решение далось мне нелегко, но, раз его приняв, я стала потихоньку выкарабкиваться из той ямы, в которой оказалась. На другой день я принялась за разборку шкафов. Я собрала Костины вещи в охапку и решила вынести их на помойку. Оставить их у себя – это было выше моих сил. Я бы все время натыкалась на них, вспоминала Костю, думала о нем...

Я решительно запихнула одежду в пакеты и унесла их подальше от дома. Потом я с остервенением мыла полы. Ведь почти целый месяц я не занималась уборкой! Я мыла, драила, разбирала и выкидывала вещи. После такой капитальной уборки я почувствовала себя опустошенной и разбитой. Но вместе с тем я понимала: это необходимо для того, чтобы я могла жить дальше... Это был некий акт расставания с прошлым, акт самоочищения.

Следующим шагом было возвращение в бизнес. Я знала, что Костя привык во всем полагаться на своего заместителя, Игоря Крюкова, и теперь мне нужно было обратиться к нему. Костя оставил свой бизнес мне, Костин друг не стал ставить мне палки в колеса, а отдал мне бразды правления фирмой. Но они оба не сказали мне, что у Кости был и другой бизнес, из-за которого его и убили. Это я узнала значительно позже. А в то время Костя просто пощадил меня и мои нервы. Иногда меня охватывало странное чувство, как будто это все происходит не со мной. Зачем мне еще одна сделка, еще один контракт?.. Но я быстренько отгоняла их, с новыми силами буквально вгрызаясь в бизнес. Именно тогда я поняла, что для успешного ведения дел нужна холодная голова и железные нервы. Голова у меня теперь была холодная. А нервов... почти не осталось. Я сожгла свои нервы и жила как робот, как автомат, запрограммированный на выполнение самых простых, элементарнейших функций.

У меня не было мужчин, хотя многие из них пытались за мной ухаживать, но я пресекала эти попытки на корню. Не потому, что мне не хотелось предавать память Кости, а потому, что у меня не было никаких желаний, не было потребности в мужчине, в сексуальных контактах и утехах.

Так прошло полгода. И вот как-то под Новый год я зашла в магазин и увидела молодую пару. Чем-то эта пара напомнила мне меня и Костю – они все время смеялись и выбирали какие-то сувениры для дома. И, увидев их, я вдруг так захотела тепла, мужского смеха, близости, что я сглотнула и, развернувшись, быстрым шагом пошла к машине. Дома я кинулась к компьютеру и начала просматривать объявления о знакомствах. То, что мне было нужно, я нашла довольно быстро. «Молодой симпатичный брюнет ищет сильную женщину для занятия сексом». И указывался телефон. Я позвонила, и через два часа ко мне приехал молодой мужчина, лет двадцати восьми. Он оказался довольно-таки умелым любовником, но я внутренне оставалась холодна и никак не могла по-настоящему расслабиться. Какая-то часть моей души, моей натуры оставалась запертой на все замки.

Когда все осталось позади, брюнет уехал со словами, что я всегда могу его найти, если мне снова захочется. Он стоит недорого – всего триста баксов. Я могла бы позволить себе эту игрушку. Но после его ухода я долго лежала в ванне и плакала, вспоминая Костю. И я поняла, что отныне мой удел – вот такие краткие безличные связи, когда надеяться не на что, а продолжения и не ждешь.

Мужчины рядом со мной не задерживались – длительные связи были мне не нужны. Я не хотела ни к кому привыкать...

И так все шло до того момента, как я встретила Славу.

* * *

Мы возвращались в Москву вместе; каким-то чудом Слава поменял билет. Но сидели мы далеко друг от друга. В аэропорту он взял меня за руку и сказал:

– Ты – лучшая... Поедем к тебе!
– Хочешь посмотреть, как я живу?
– И это тоже. Или у тебя кто-то есть? – ревниво спросил он.
– Никого! Но ты не расслабляйся!
– И не подумаю! – Он крепко сжал мою руку. – С тобой не расслабишься... И не соскучишься.

Я прижалась к нему.

– Я тебе правда нравлюсь?
– Ты сомневаешься? Я влюбился в тебя с первого взгляда.
– Да уж, с первого! – Я потеряла кончик носа.
– Точно! Но мы здесь что-то задержались... Поехали!

Мы приехали ко мне домой... С гордостью я показывала Славе свою шикарную квартиру. Он повертел головой и сказал:

– Ты изумительная хозяйка и потрясающая женщина. И ты мне очень-очень нравишься...

Любовь к Славе сделала меня совсем другой. С удивлением я наблюдала изменения, происходившие в моей душе. Раньше, особенно после смерти Кости, я была резкой и циничной: я брала мужчин, как они берут женщин, и расставалась с ними без сожалений. Я не хотела ни чувств, ни привязанностей. Слишком сильна была боль от утраты Кости, единственного мужчины, которому я доверяла и которого любила. Он был больше чем любовником, он был мне партнером и другом, и только когда его не стало, я поняла, *чего и кого* лишилась.

Костя подарил мне совсем другую жизнь, не имевшую ничего общего с моим прошлым, жизнь, которую я создала из ничего, начала с нового листа... Я обзавелась иным кругом знакомых, новыми друзьями. У меня появилась Тата, моя подруга, которая сейчас жила в Америке, но мы привыкли часто перезваниваться и болтать о милых сердцу женских мелочах... Только Тата не давала мне окончательно ожесточиться, хотя, видит бог, я была очень близка к этому.

Слава сделал меня мягкой и беззащитной. Я словно рождалась заново. Но я прекрасно понимала, что такой я никогда не была, просто этот мужчина лепил меня...

Впервые я заинтересовалась кулинарией. Купила пару книг и стала учиться готовить. Раньше я никогда не стояла у плиты, считая это пустой тратой времени. Костя ни на чем таком и не настаивал. «Не хочешь – и не надо, – обычно говорил он. – Закажем еду по Интернету или поедем в ресторан. Как хочешь...» Мы как будто спешили жить – бесшабашные, азартные, любящие свое дело и друг друга. Мы были вечными любовниками, друзьями...

Теперь я почувствовала тоску по дому... С Костей мы любили сорваться и внезапно купить куда-нибудь тур – на Бали или в Европу. Мы обожали спонтанность, сюрпризы, неожиданность. Любили остановиться в роскошном отеле, заказать бутылку шампанского в номер или пойти в ресторан. Я это любила – надеть красивое вечернее платье, уложить волосы, сделать сногшибательный мейк-ап и ловить на себе восхищенные взгляды мужчин, когда мы с Костей рука об руку входили в ресторанный зал. В такие моменты я ощущала жизнь так остро, так живо, что казалось – раньше я и не жила, а лишь влачила нудное существование. В каком-то смысле все было именно так...

Я помню один вечер в ресторане у Эйфелевой башни. Костя купил билеты в Париж на выходные дни, заказал номер в шикарном отеле, и мы полетели почти налегке, с одним лишь маленьким чемоданчиком. Стояла весна, начало апреля, но в Париже было тепло. Однако в последний момент я вспомнила, что не взяла ничего теплого – ни кофты, ни куртки, ни накидки...

В ресторане у Эйфелевой башни было свежо... Когда я выдыхала воздух или смеялась, у моих губ реяло легкое облачко; холод пощипывал кожу. Костя откупорил шампанское и налил мне в высокий фужер... Мы пили и целовались, не обращая внимания на окружающих... Чем больше мы пили, тем горячее становились поцелуи, мы уже не могли оторваться друг от друга... Моя нога скользнула к Костиной ноге, он крепко прижал ее к бедру и запустил руку под мое платье. Я закрыла глаза, волнение и желание были такими сильными, а весь этот вечер – таким восхитительно-волшебным, что мне казалось – я в другом мире, мире сбывшихся грез. Я люблю и любима, я в Париже – в самом романтическом городе мира... Я молода, красива, у шампанского восхитительный вкус, а от поцелуев кружится голова...

– Я сейчас кончу, – прошептала я.

– И что? – Костя наклонился ко мне. – Кто тебе мешает?

– Никто...

Мы целовались, его рука была во мне, внутри.

На небе горели редкие звезды, на башне переливались синие огоньки...

– Падает звезда! – сказала я.

– Загадывай желание!

– Сейчас...

Я загадала, чтобы мы с Костей поженились и народили кучу детей.

– А ты загадал желание? – спросила я.

Он покачал головой:

– Не верю я в приметы. Ты – другое дело. Женщина все-таки... Слабый пол...

Потом в отеле мы любили друг друга на полу, на кровати, в ванне. Губы мои болели, они вспухли от его поцелуев-укусов, тело плавилось и горело: мы не могли насытиться друг другом. Нам хотелось еще, еще... словно завтра нас ждала разлука, и мы торопились жить.

Эта парижская ночь навсегда останется в моей памяти самым счастливым воспоминанием, я буду помнить ее до старости... всю жизнь!

И теперь на смену Косте пришел другой мужчина – полная ему противоположность: ласковый, нежный. Костя был горячим, взрывным... Слава – спокойным, уравновешенным. Я впервые вдруг подумала о детях, которые могут у меня родиться.

Теперь я торопилась домой, зная, что меня там ждут. Мне уже не хотелось посещать рестораны или мчаться по ночной Москве. Я начала ценить уют, покой, тихие вечера у телевизора. Я готовила разнообразные блюда, и каждый раз Слава не уставал меня хвалить, ему нравилось все, что я делаю...

Так прошло два месяца. Слава жил по большей части у меня, но переезжать не спешил.

– Котенок, ты еще устанешь от такого старого хрыча, как я. И так я тебя эксплуатирую. Ты же готовишь еду, стараешься. Вкуснятина необыкновенная! Ни в одном ресторане так не накормят.

– Так тебе нравится? – улыбнувшись, спросила я.

– Нравится! – Слава нарочито выразительно закатил глаза. – Обижаешь! Я в полном восторге. Даже не знаю, как это выразить словами.

– Я рада, что ты ценишь мою готовку. – Я потрепала его по волосам. – Переехал бы ко мне жить.

– Юля! – Слава внезапно побледнел. – Я хочу тебе кое-что сказать...

– Что? – Я опустила на стул и невольно прижала руку к груди.

– Я не хотел тебе говорить сразу, просто потому, что ты стала мне дорогим и близким человеком и я не хотел тебя терять. Я боялся: если скажу тебе, ты уйдешь от меня.

– Что такое?! Говори!

– Юлиана! У меня... – и Слава замолчал.

– Говори! – Я была готова к самому худшему, к тому, что он сейчас скажет: наша свадьба откладывается, или – мы никогда не будем вместе... Или нечто подобное. Но если бы он произнес эти слова, мое сердце, наверное, в ту же минуту разорвалось бы...

– Юлиана! – повторил Слава. – Просто... у меня есть дочь.

В первое мгновение его слова не дошли до меня – какая дочь, откуда?

– Дочь! – вырвалось у меня. – Какая дочь?! Ты мне ничего об этом не говорил...

– Я не мог. – Слава умоляющим жестом прижал руки к груди. – Не мог... Я боялся тебя потерять! Я был женат, и от этого брака у меня есть дочь. Я боялся, что ты не захочешь иметь со мной дела. Юлечка! Я же не знал, как ты к этому отнесешься.

– Сколько ей лет?

– Двенадцать.

– И сколько лет ты был женат? Ты развелся? Когда? – вопросы сами собой слетали с моего языка.

– Котенок! Это такая трагическая история... даже не знаю, как тебе все рассказать. Дело в том, что Маруся и ее мать, то есть моя жена, вместе попали в автокатастрофу. Маруся выжила, а ее мать – нет. Я думал, что с ума сойду, узнав об этом, – Слава обхватил руками голову. – И дочь, и жена... и все свалилось на меня разом... Бедные мои...

Я взяла его руку в свои ладони:

– Слава! Ты даже не представляешь, как я тебе сочувствую, как сожалею об этой твоей драме... Бедная девочка, что же выпало на ее долю!

– Да... Когда она очнулась и увидела мертвую мать... ей сделалось плохо. Короче, Маруся ничего не помнит, избегает людей и старается ни с кем не общаться. С ней очень, очень трудно, и поэтому я не хотел тебе говорить. Я и сам не знаю, как себя с ней вести? Что делать?

– А что говорят врачи?

– А что они могут сказать! – махнул рукой Слава. – Только одно: девочка испытала шок, подождите, может быть, все пройдет, не надо торопиться... С ней нужно обращаться очень осторожно, бережно...

– Когда это случилось?

– Год тому назад. Первое время я думал, что с ума сойду! Наташки не стало, и Маруся осталась на моих руках...

– Слава! – Я крепче сжала его руку. – Я помогу тебе! Мы будем вместе воспитывать Марусю. Познакомь меня с ней, и поскорее! Я хочу ее увидеть. На кого она похожа?

– Ни на кого. На мою бабу. Своенравная девочка, капризная... Но такой она была до автокатастрофы, а сейчас... – И он покачал головой. – В основном молчит, и все. Слова от нее лишнего не добьешься.

– Я все понимаю. Но я буду рядом с тобой, и мы поможем Марусе. Не могу себе даже представить, что пережила твоя дочка! Где она сейчас?

– Дома. С няней.

– Поэтому ты и не мог ко мне переехать?

– Да. – Слава взял мою руку и поднес к губам. – Я рад, что не ошибся в тебе. Ты – благородный человек и замечательная женщина! И я очень счастлив, что встретился с тобой. Сама судьба послала тебе меня.

– Я тоже рада, что мы встретились, – прошептала я. – Очень. Ты даже не представляешь, в какой пустыне одиночества я обитала! Я ведь тоже пережила смерть близкого человека.

– Юлечка! – Слава прижался ко мне. – Мой котенок! Вместе мы преодолеем все трудности.

– Конечно, разве может быть иначе?..

Ночью я лежала без сна и думала о Славе. Он уехал к себе домой, и теперь я с легким сердцем отпустила его; ведь я знала причину его нежелания оставаться у меня. Он хотел быть ближе к дочери, не мог оставить ее одну. Это ужасно – терять близких, я-то знала, как это происходит. Я вспоминала свое отчаяние, слезы, тупую глухую боль после ухода Кости. Время немного притупило эту боль, но более или менее она отступила только с появлением Славы. Я вдруг поняла, что, возможно, еще буду счастливой и смогу заново научиться жить и любить. Слава поступил как благородный человек, не отдал девочку родственникам, сам понес это бремя. Воспитывать ребенка в одиночку очень нелегко, но мой любимый не стал перекладывать свою ношу на кого-то другого. Интересно, как девочка отнесется к моему появлению? При этой мысли я ощутила беспокойство: обычно дети сильно ревнуют к покойным матерям, особенно – девочки. Она подумает, что папа изменил маме. Надо будет объяснить ей, что папа будет всегда любить ее маму, но надо жить дальше...

Слава с Русей раньше обитали в Твери, сказал он, но после той трагедии жить в родном городе больше не смогли – переехали в Москву.

Я поднялась с кровати и пошла в кухню. Выпила холодной воды из-под крана и внезапно ощутила, что по моим щекам текут слезы...

На другой день Слава познакомил меня с Марусей. Я поехала к нему домой, хотя мне казалось, что в самый первый раз лучше встретиться где-нибудь на нейтральной территории. Например, в каком-нибудь симпатичном кафе. Но Слава объяснил мне, что Маруся боится незнакомой обстановки, дичится людей и у нее может случиться нервный срыв. Так уже бывало, виновато объяснил он мне. Какие проблемы, ответила я, как будет лучше для девочки, так мы и сделаем...

По дороге я заехала в детский универмаг и купила для Маруси большую куклу. Я прекрасно понимала, что она уже вышла из того возраста, когда играют в куклы. Но что именно подарить ей, я не представляла, поэтому решила начать с куклы. Потом, когда познакомлюсь с ней поближе, я решу, что купить. А сейчас – кукла.

Слава жил в хорошем доме бизнес-класса, в Борисове. Это был новый микрорайон, с ухоженной территорией и большой площадкой для парковки автомобилей.

Он встретил меня у дома, мы поднялись на лифте, и все это время я нервничала.

– Ты сказал ей, кто придет?

– Просто сказал, что придет одна моя знакомая. И все.

– Ясно.

– Все будет хорошо, – улыбнулся Слава. – Не переживай.

Но справиться с волнением я не могла.

Слава жил в большой трехкомнатной квартире. В коридоре он включил свет и позвал:

– Маруся!

Никто не откликнулся.

– Она в своей комнате. Пошли к ней.

– Да-да...

Девочка сидела в комнате и смотрела большой плазменный телевизор. Шли «Симпсоны». У нее были русые волосы ниже лопаток и худая нервная спина. При звуке открывающейся двери она даже не повернула головы.

– Маруся! – тихо позвал ее Слава.

Ноль внимания.

– Маруся! – он немного повысил голос.

– Подожди! Давай подойдем к ней поближе и поздороваемся, – предложила я.

– Как хочешь. – Слава слегка нахмурился.

Девочка сидела на полу. Рядом с ней валялся большой плюшевый медведь. Я присела на корточки.

– Маруся! – Я достала из сумки куклу и протянула ей. – Это тебе. Подарок.

Девочка подняла на меня глаза. Они были огромными. Русые волосы, светло-зеленые глаза и на носу – едва заметные веснушки. Кожа белая, нос острый, губы плотно сжаты. Аккуратно подстриженная челка падала почти до глаз.

– Маруся! Я Юлиана, Можешь звать меня Юлей. – Я протянула ей руку. – Давай познакомимся.

Но Маруся словно не заметила моей руки. Она посмотрела куда-то вверх моей головы и перевела взгляд на экран.

– Ты мне мешаешь, – еле слышно прошелестела она. – Уйди...

– Давай смотреть вместе? Я тоже люблю мультики.

Но она покачала головой.

– Уйди. – Губы ее сжались в ниточку.

Я растерялась и посмотрела на Славу.

Тот пожал плечами.

– Я тебя предупреждал, – донеслось до меня.

Я поднялась с корточек, распрямилась и подошла к Славе.

– Пойдем в кухню, – предложил он.

Слава заварил крепкий кофе и сокрушенно покачал головой:

– И так – целыми днями. Сидит и смотрит телевизор. Все подряд. Лишнего слова от нее не добьешься.

– Она в школу ходит?

– Учителя приходят на дом. И то жалуются. Половины уроков она не учит. Не знаю, как быть?

Слава выглядел очень несчастным, и мне захотелось его утешить.

– Подожди! Ты слишком рано сдаешься. Терпение, терпение и еще раз – терпение. Девочка «отойдет». Только нужно время. Шок был слишком силен, чтобы она так быстро пришла в себя. Ведь все произошло у нее на глазах. Бедный ребенок... Натерпелась она.

– Она чудом осталась жива. Правда, у нее было сотрясение мозга, царапины, и вот теперь она ничего не помнит. Хоть убей! По-моему, она даже не всегда помнит о том, что я – ее отец.

– Слав! – Мы сидели на высоких стульях за барной стойкой. – Не переживай так. Вместе мы что-нибудь обязательно придумаем. – Я придвинулась ближе к нему и провела рукой по его волосам. – Славочка!

Мы потянулись друг к другу, и наши губы встретились. Поцелуй длился и длился, пока я каким-то внутренним чутьем не ощутила, что кто-то на нас смотрит. Я оторвалась от Славы и повернула голову вправо. В дверях кухни стояла Маруся с куклой в руках и смотрела на нас широко открытыми глазами.

– Ты – плохая, плохая... – Она забилась в истерике. – Уходи! Уходи! – И девочка швырнула куклу на пол...

Я попыталась подойти к ней. Но ее дикий, отчаянный крик остановил меня.

Слава с трудом успокоил Марусю. Я уехала к себе, Слава извинился, что не сможет меня проводить: ему нужно было оставаться рядом с Марусей. Я спустилась по лестнице. Всю дорогу до дома я вспоминала ту сцену, когда мы целовались, а она вдруг вошла в кухню. Понятно, что девочка пережила шок и теперь дичится посторонних людей. Мое вторжение в их квартиру Маруся восприняла как угрозу для себя. Поэтому у нее и началась истерика. Она увидела, что я целуюсь с ее отцом, и, понятное дело, приревновала его к памяти матери...

Да, мне придется нелегко! Внимание и расположение этой девочки завоевать будет очень трудно. Из-за этих размышлений я чуть не врезалась в стоявший впереди меня джип. Из окна высунулся мужчина кавказской национальности и энергично выругался. Я перевела взгляд на свои руки, лежавшие на руле, и увидела, что они дрожат.

Целый месяц я пыталась подружиться, нет – просто научиться общаться с Марусей. Девчонка встречала меня в штыки, она демонстративно разворачивалась ко мне спиной и уходила к себе в комнату. Если же я приходила к ней, она сразу включала телевизор и смотрела на экран, не обращая на меня никакого внимания. Но однажды я вошла в комнату и увидела, что Руся рисует. Она с таким самозабвением рисовала, что даже не обратила внимания, что я вошла в комнату. И только когда я села рядом с ней, она вскинула на меня глаза. На листе бумаги были нарисованы дом, лужайка, пышные кусты, деревья с большими раскидистыми кронами, и все это уже практически не помещалось на листе.

Руся сделала движение рукой, как бы желая прикрыть рисунок от моих глаз.

– Маруся, – тихо сказала я. – Не надо от меня ничего прятать! Я тоже очень любила рисовать в детстве, до тех пор, пока... – я сглотнула, – пока не погиб мой брат. Он утонул в речке. И с тех пор я не беру в руки ни карандаши, ни краски. Мы с ним часто рисовали вдвоем, на одном листе бумаги, в две руки. – Я провела рукой по лбу. – Это было так здорово! Хочешь, мы с тобой так же будем рисовать? Вместе?

Маруся молчала.

– Придумаем и нарисуем большую картину. Лес, дома... небо, облака...

И вдруг я увидела, что Маруся слабо кивнула в знак согласия. На другой день я пришла к ней в комнату с огромным листом ватмана, красками и карандашами.

– Давай порисуем... Что ты хочешь изобразить?

Вскоре мы с Марусей уже ползали по полу, рисуя лес с трогательными березками и елями с тяжелыми мохнатыми лапами. В траве горели яркими языками маленького пламени ягоды земляники и синели незабудки. Мы нарисовали лишь немного, потому что старались, чтобы все было на «пять», и тщательно прорисовывали контуры деревьев и синеву неба.

– Мы будем с тобой рисовать понемногу, каждый день. Хорошо?

Я провела рукой по Марусиным волосам, и она не отстранилась от меня. Я притянула ее к себе.

– Марусечка... Руся... – Она подняла на меня глаза, и я поцеловала ее.

Когда я поделилась со Славой известием, что Маруся уже не дичится меня, он обрадовался:

– Я так рад, что вы с ней нашли общий язык! Это просто замечательно! Я так переживал, что Маруся... ну, ты все понимаешь...

– Конечно, понимаю. – И я прильнула к Славе...

Я чувствовала себя удивительно счастливой, в душе воцарился какой-то странный покой. Я не хотела никуда рваться, бежать. Мне не нужны были острые ощущения, мне хотелось покоя, чтобы каждый день проводить в кругу своей семьи, спать с этим мужчиной, с которым я вновь училась любить и наслаждаться жизнью.

Несколько раз звонила Тата, обещала приехать на неделю-другую. У нее были дела в Москве, и она собиралась совместить деловую поездку с визитом к нам.

Наши дни

Вода уже почти перелилась через край ванны, и я поспешно выключила кран. Свадьба... Белое платье... Мужчина, подаривший мне эту мечту. Новая жизнь, новая семья. Русю я уже считала частью своей семьи. Я привыкла к девочке, и она стала мне как родная. Ведь у меня не было своих детей. Может быть, мы со Славой их и заведем – когда-нибудь. При этой мысли я закрывала глаза. Мне было нелегко завоевать расположение Руси, но в конце концов она меня признала. Правда, она по-прежнему была малоразговорчивой и почти не улыбалась. Только время сможет вылечить ее. Да и то... не до конца. Потери оставляют в душе шрамы, я это хорошо знала...

Телефонный звонок я услышала не сразу. Телефон все звонил и звонил. Может быть, это Слава! Хотя он обычно звонил на сотовый. Я выскочила из ванной и побежала в коридор, сорвала трубку и закричала:

– Алло!

В ответ – тишина.

– Алло! – повторила я уже менее уверенным тоном. Мне почему-то стало страшно.

– Добрый день! – неожиданно произнес кто-то. Голос был мужской, с легкой хрипотцой. – Юлиана Берсенева?

– Да, – голос моего собеседника был холодно-трескучим и почему-то напомнил мне о крещенских морозах.

– Ну, хорошо, – протянул он. – Очень хорошо, – почему-то прибавил мужчина и замолчал.

Я уже собиралась повесить трубку, подумав, что это какой-то псих, но тут услышала:

– Может быть, вы быстрее откликаетесь на кличку Белокурая Пантера?

Время остановилось, в мою уютную квартиру словно ворвалась арктическая стужа. Она принесла с собою шквал ледяного ветра, острые снежинки замерзали на моих губах. Я не могла вымолвить ни слова, язык словно прилип к гортани. Вокруг бушевала стужа, кончики моих пальцев стали ледяными. Откуда, стучало в мозгу, откуда?! И – глупая мысль: зачем я подошла к телефону?! Если бы я не подошла, то ничего этого не услышала бы...

– Вы же не хотите испортить собственную свадьбу? – продолжал все тот же ледяной голос. – От вас требуется всего лишь небольшая сумма денег. Пятьдесят тысяч долларов.

– Я... не могу. У меня нет таких денег!

В трубке хмыкнули:

– Это уже не наша забота. Ваше дело – достать деньги, если вы хотите, чтобы вам кричали «горько». Подумайте, что можно продать? У вас хорошая тачка...

Я молчала.

– Позвоню вам через неделю, тогда поговорим обо всем поподробнее. Советую отнестись к моим словам со всей серьезностью. Иначе...

Я замерла. Руки мои онемели. Чертова трубка, она словно прилипла к моим пальцам!

– Иначе вашему жениху отправят некие фотографии, а также видеопленку – богатый компромат о вашей работе в «Холидей клуб». Вы же этого не хотите?

Раздались частые гудки. Я стояла с трубкой в руке и слышала, как отчаянно колотится мое сердце, а холод проникал все глубже в душу...

Я выпустила трубку из рук, и она с грохотом упала на пол, увлекая за собой телефонный аппарат. Ничего не видя и не слыша, я пошла обратно в ванную, рухнула в остывшую воду, не ощущая, что беззвучные слезы текут по моим щекам.

Господи! Ну почему, как все это случилось! А как же хорошо начиналась новая жизнь... От чувства жалости к себе мне захотелось забраться под теплый уютный плед и тоненько заскулить, как скулит побитая старая собака. Было ужасно, просто ужасно жалко себя и свою нескладную жизнь. Ну кто бы подумал, что, стоило только по-настоящему начать строить свою жизнь, как тут, словно чертик из табакерки, выныривает этот мужчина, предупредивший меня, что шутить он не собирается. Ленка говорила, что у Зары есть люди на «крючке», но я как-то отмахнулась от этих слов. А потом появился Костя. Он знал, КТО я, и принял меня такой, какой я была: со всем моим прошлым и будущим. Со Славой – я прекрасно это понимала – так не получится: не прокатит! Мой любимый мужчина слишком щепетилен, он слишком «домашний», чтобы простить женщине, своей будущей жене, такое прошлое... Мне хотелось умереть или просто лечь спать – и больше никогда не проснуться. Весь мой мир, совсем недавно как-то налаженный, устоявшийся, с чудесной свадьбой впереди, словно летел куда-то в бездонную пропасть. Я достала из шкафа бутылку водки и, открыв, выпила залпом почти стакан. На глаза мне попался каталог свадебных платьев, и я с раздражением смахнула его на пол. Все это теперь не нужно... Или... все-таки надо достать деньги? Я тряхнула головой. Но где же я раздобуду такую огромную сумму? Двадцать тысяч я смогу выделить из своего бизнеса. А остальное? Тата, вдруг щелкнуло в моем мозгу! Она может меня выручить... Хотя это я так думаю. У них в Америке тоже сейчас кризис, кроме того, Тата вроде бы замуж собирается. Расходы, то-се...

Неожиданно я прислушалась к себе: отчаяние внезапно прошло, я была собранна и деловита и пыталась найти выход из положения.

«Ты – как живучая кошка, – вспомнила я слова Кости. – Тебя убивали, жгли огнем душу, но ты вновь возрождалась, как феникс из пепла. Поэтому ты мне сразу и понравилась». Я не должна сдаваться, пробормотала я сквозь зубы. Не должна! Я обязана как-то выкрутиться из этого положения. Обязана! Думай, Юлиана, думай, приказала я себе. Где взять пятьдесят тысяч долларов?

Я посмотрела на часы. Позвонить Тате сейчас же? У них там, в Америке, уже глубокая ночь. Я разбужу ее... С минуту-другую я колебалась, но потом махнула рукой: «А, плевать!» Тата – мой друг, она меня поймет.

Я вспомнила, как Костя познакомил меня с Татой. Он приехал домой поздно вечером и оторвал меня от телевизора.

– Собирайся! – бросил он мне. – Мы с тобой сейчас едем!

– Куда?

– Я тебя с одним хорошим человеком познакомлю.

– С другом?

– С подругой! – хохотнул он.

– С подругой? – ревниво нахмурилась я.

– Точно! Золотая баба! Тебе она понравится. Гарантирую.

– Сомневаюсь. – Я встала с дивана. – У тебя с ней что-то было?

Костя вновь хохотнул:

– На эти вопросы не принято отвечать, но тебе, так уж и быть, скажу. Ничего не было.

И не могло быть!

– Почему?

– Она – не мой тип женщины.

– Какие мы разборчивые! А я слышала, что мужчинам все равно кто...

Костя резко оборвал меня:

– Запомни на всю оставшуюся жизнь: есть мужики, а есть козлы похотливые. Так вот, козлом я никогда не был! Понятно?

– Понятно.

Я подошла к Косте и потерлась щекой о его плечо. Он пах свежестью, на кончиках его волос блестели капельки дождя.

– Идет дождь?

– Ага, – он улыбнулся, – капает немного. Ну что, маленькая, собирайся! Человек ждет.

В ресторане было шумно, накурено, там царил взвинченно-оживленная атмосфера. Костя уверенно пошел в угол зала. Я – за ним. За столом сидела брюнетка с короткой стрижкой и курила. У нее был умный цепкий взгляд и руки красивой формы.

– Я – Татьяна, – сказала она, протягивая мне руку. – А вы – Юлиана? Мне Костя о вас рассказывал.

– И что же он рассказывал? – спросила я, усаживаясь за стул.

– Что вы – женщина его мечты.

Мы заказали ужин, чилийское вино, вскоре завязалась беседа. Потом Косте позвонили, и он вышел на улицу. Мы с Татой остались вдвоем. Она предложила заказать еще бутылку вина, что мы и сделали. Под великолепное красное французское бордо мы и разговорились «за жизнь». Больше говорила Тата, она рассказывала о своей жизни в Америке, об отношениях с мужиками – с ними ей не везло, – о своих увлечениях, о путешествиях. Слушать ее было интересно, она рассказывала образно, ярко, вкрапляя в свою речь острые соленые словечки, придававшие ее рассказу особый шарм.

С того дня мы и подружились. Она иногда приезжала в Москву, правда, не слишком часто, а после смерти Кости Тата стала для меня единственным человеком, на которого я могла положиться, к кому могла бы обратиться за поддержкой.

Раньше мы с Татой перезванивались чаще, но в последнее время мы как-то отошли друг от друга. Меня поглотил роман со Славой, Тату – ее отношения с Джеймсом, работавшим в банке.

Я выпила залпом второй стакан водки. В голове зашумело. Но вместе с тем я почувствовала прилив сил. Отчаяние, оцепенение и липкий страх прошли. Я была готова к битве за свою будущую жизнь. И я никому не собиралась ее уступать!

Набрав номер Таты, я с волнением слушала гудки, боясь, что она куда-нибудь уехала. Включился автоответчик. Бодрый Татин голос что-то проверещал по-английски. Откашлявшись, я наговорила на автоответчик просьбу, чтобы она перезвонила мне в самое ближайшее время. Это очень срочно и важно, два раза повторила я.

Я посмотрела на часы. Семь вечера, начало восьмого. Слава должен позвонить в половине восьмого; мы хотели с ним посидеть в уютном кафе, а потом поехать ко мне. Но сегодня мне не хотелось никого видеть, даже Славу, – не в том я была состоянии и настроении. Хотя... я отчаянно нуждалась в его чутких руках и теплых губах, мне было необходимо отвлечься от этого кошмарного звонка, и секс оказался бы отличным расслабляющим средством. Я нуждалась в любимом мужчине и вместе с тем боялась увидеть его, боялась, что я вновь четко осознаю, что *могу* потерять его в любой момент. И проявлю слабость, а мне сейчас нужно быть твердой!

Слава позвонил в точно назначенное время, и мы поехали с ним в одно маленькое кафе, где для нас был заказан столик. Как я ни старалась, у меня никак не получалось выглядеть непринужденно, в голове моей все время вертелись вопросы: «Кто меня преследует?» и «Смогу ли я собрать требуемую сумму?». Несколько раз Слава переспросил, что со мной такое. Я ответила, что это все предсвадебные волнения, я, как и любая женщина на моем месте, страшно боюсь что-то упустить или сделать не так, потому что мне хочется, чтобы моя свадьба стала для нас обоих замечательным подарком, событием, которое запомнится на всю жизнь. При этом в душе моей все обмирало, мне хотелось рассказать о случившемся Славе, хотелось услышать: «Котенок, мы – вместе, мы что-нибудь обязательно придумаем,

выкрутимся из этой сволочной ситуации». Но я знала, чувствовала, что ничего такого Славе рассказывать нельзя... Я была одна...

После ужина мы поехали ко мне, как и было запланировано. Секс был бурным, опустошающим, но никакого облегчения он мне не принес. Не было расслабления и нежности, я не могла отвлечься от терзавших меня мыслей и поэтому просто лежала, стиснув зубы, и смотрела в потолок. Тата не звонила, а без ее денег мне будет трудно выкрутиться. Если она мне откажет... то я не знаю, как быть! Слава еще раз попытался узнать, что со мной происходит, но я покачала головой и ничего не сказала. Он уехал в начале первого. Оставшись одна, я побрела в ванную комнату. Из зеркала на меня посмотрела измученная, постаревшая лет на десять женщина. Я еще раз набрала Татин номер. Глухо. Все тот же чертов автоответчик! Где же она?! От отчаяния мне захотелось разбить сотовый о стену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.